

Экономический либерализм в посткоммунистической России и его либеральные критики

Сенсационный успех в октябре 1999 г. на последних парламентских выборах в России Союза правых сил трактуется как признак того, что российское общество преодолело идиосинкразию к либеральной идеологии, вызванную шоковыми реформами Е. Гайдара, обманной приватизацией Чубайса, финансовым крахом августа 1998 г., и сумело-таки приспособиться к новым условиям. Российские либералы и аналитики заговорили о “второй волне” либерализма, о “новом политическом лице” либералов, сумевших сделать серьезную коррекцию своих идеологических и политических установок.

Действительно, кое-какие уроки из негативного чубайс-гайдаровского опыта нахождения у власти в 1991-1994 гг. были учтены. Например, заслуженный приватизатор России А. Чубайс на этот раз предстал перед российским электоратом патриотом-государственником. Правые поддержали войну в Чечне. Примечательно и то, что в течение всей избирательной кампании Е. Гайдар появлялся “на людях” крайне редко, предпочитая не раздражать избирателей неприятными воспоминаниями. Бросалась в глаза назойливость, с которой лидер правых В. Кириенко муссировал тезис о смене поколений во власти, прозрачно намекая на “естественную” связку правых младореформаторов с не менее молодым тогда еще только премьер-министром В. Путиным. Мол, мы возьмем на себя “экономику”, а ты – “политику”. В общем российские правые очень старались создать впечатление, что мы имеем дело с качественно новым либерализмом. Так ли это на самом деле?

Свое мнение по этому вопросу я выскажу в конце статьи. А сейчас с большой долей объективности можно утверждать, что российский либерализм замкнул определенный цикл своего развития. Критический анализ этого цикла, оценка качества либеральной мысли и эффективности либеральной политики составляют содержание данной статьи.

1.

На мой взгляд, было бы справедливо и точнее начать отсчет либерального дискурса не с гайдар-чубайсовского периода, а с “перестройки”, с горбачевско-яковлевской попытки вытянуть экономику на новый уровень посредством *либерализации* коммунистической идеологии и политической системы. Тогда в общество была вброшена идея о необходимости нового нэпа, суть которой сводилась к тому, чтобы государство перестало командовать обществом, дав ему определенную свободу развить свою “естественную” экономическую активность, то есть рынок, поскольку экономика нерыночной не бывает. Эта идея получила адекватное выражение в лозунге “Назад к Ленину!”. Конечно, к Ленину нэповского периода. Предполагалось, что советские люди очень хотят трудиться на себя и получать “по труду”, но не могут вследствие крепостной зависимости от государства с его уравниловкой и жесткой регламентацией трудовых отношений. При этом государство так придавило общество, что стало угрожать собственной мощи и имперскому статусу в мире. Тут уж не до “принципов, которыми нельзя поступиться”. В реформаторском

руководстве родилось настроение: обществу – рынок, государству – идеология и контроль.

Таков, думается, был первоначальный замысел либерализации, на которую решилось советское руководство, имея целью, в первую очередь, не благо людей, а экономическое и военное укрепление государства перед лицом нового вызова Запада. То есть это была не собственно либеральная политика, а *либерализация как средство* смягчения, “гуманизации” коммунистической системы, “активизации человеческого фактора”, создание “социалистического рынка”. А в перспективе виделась возможность перевода советской системы на рельсы демократического социализма. Иногда эту идеологию и практику последней коммунистической реформации называют *лжелиберализмом*. Крупнейшим ее идеологом был А. Н. Яковлев, а ведущими экономистами этого периода были Л. Абалкин, А. Аганбегян и С. Шаталин.

Этот замысел не мог быть тайной для исследователей, углубившихся в изучение советского экономического и социально-политического строя. Так, француз А. Безансон еще в 1976-м году в книге “Краткий трактат по советологии, предназначенный для гражданских, военных и церковных властей” писал о двух общих моделях советской политики, которые определяют спектр возможностей коммунистического режима. Их открыл еще Ленин. Это – “военный коммунизм” (усиление тотального государственного контроля, сопровождающееся широкими идеологическими кампаниями и репрессиями) и “нэп” (период смягчения властей, позволяющее обществу вывести рыночные структуры из “подполья”). Сам Безансон насчитывал в советской истории три нэпа и три военных коммунизма, брежневскую политику считал лавированием между этими базовыми моделями и ожидал наступление четвертого либо военного коммунизма, либо нэпа (1).

Другой исследователь “реального коммунизма” диссидент А. А. Зиновьев также писал о двухтактной работе советского государственного механизма по принципу поочередной смены сталинизации и оттепели. Поэтому еще в 1986-м году в книге “Катастрожка” он прозорливо описал один из возможных вариантов неудачного, но вполне закономерного конца реформаторской эпопеи Горбачева. Но даже теоретически он не мог предположить тогда, что команда Горбачева “заиграется” настолько, что пойдет дальше той точки, за которой ослабление государства даст обществу реальный шанс его разрушить.

Итак, можно утверждать, что отдельные советские лидеры и некоторые ученые-советологи полагали (вполне в духе экономического либерализма), что неэффективность экономики в СССР обусловлена ее государственным угнетением, диктатом антирыночной идеологии, и стоит только государство отставить от экономики, как само пойдет-поедет... Как писал в статье “Похвальное слово коррупции в Советском Союзе” упомянутый А. Безансон: “Режим никогда не ставил себе целью увеличить благосостояние и привести к процветанию граждан. ...Если бы непосредственной целью было богатство и процветание, то правительство действовало бы по-иному. Более того, *ему было бы достаточно вовсе никак не действовать, чтобы искомая цель была достигнута сама собой, благодаря труду людей и общественному обмену его продуктов*” (2 – курсив мой. – Г. Г.).

2.

Это убеждение, безусловно, разделял Гайдар, когда приступил к своим шоковым реформам. А. И. Солженицын заметил: “Гай-чубайсовские реформы велись в понятиях Маркса: если средства производства раздать в частные руки – вот сразу и наступит капитализм и заработает?” (3). Здесь нужно уточнить. Принципиальная установка либералов гайдаровского толка на экономический детерминизм исходит скорее не от Маркса, а от классического либерализма, от Адама Смита с его знаменитым тезисом о “невидимой руке” рынка. Будучи западником, Гайдар ориентировался на ту разновидность либерализма, которую разрабатывали в Англии “манчестерцы”, в США - чикагская экономическая школа, в последнее десятилетие – так называемое либертарианское направление. Возможно, сыграл определенную роль дефект специализации: как экономист Гайдар, вероятно, полагал, что проблема выхода из кризиса вследствие развала коммунистической системы суть экономическая проблема. Экономические законы универсальны, как говорится, рынок – он и в Африке рынок. Опыт рыночных реформ в мире накоплен богатый, механизмы, институты и технологии апробированы, так что никаких теоретических проблем нет. Есть проблемы политические, правовые и социально-психологические, но они привходящие в реформаторский процесс, его обслуживающие и самостоятельного значения не имеющие.

Так возникла ситуация, которая теоретиками на Западе была охарактеризована как проблема “отсутствия идей”. Действительно, тектонические сдвиги в мире в связи с крахом коммунизма не сопровождались никакими идейными новациями. Но российские либералы ничего худого в этом не видели: мы ведь просто возвращаемся на “большак мировой цивилизации” (тезис Л. Баткина). Стоит ли говорить о том, что они механически воспроизвели традиционный для российских западников тезис об универсальности и единственности цивилизационного прогресса?

Е. Т. Гайдар пришел в правительство с целью парализовать рычаги вмешательства государства в экономику. И, надо признать, он в этом немало преуспел. В результате резкого сворачивания государственного финансирования в значительной мере были дезорганизованы военно-промышленный и аграрно-промышленный комплексы, фундаментальная наука, космическая программа, системы образования и здравоохранения. Предполагалось, что рынок быстро научит хозяйственные субъекты самостоятельно ориентироваться в бурном море экономической конъюнктуры, ну а те, кто утонет – туда им и дорога. Экономическая эффективность, конкурентноспособность решают все. В общем, социал-дарвинизм в чистом виде.

На это указал С. Кара-Мурза. В 1992-м году, когда А. Чубайс только готовился осуществлять приватизацию, С. Кара-Мурза предупредил: “По сути вся культурная подоплека концепции приватизации, которая ныне предполагается, основана именно на идее естественного стремления к богатству (это и называется “вернуться к нормальной экономике и к мировой цивилизации”). Это ошибка, которая корнями уходит в антропологию, в сугубо европоцентристское “политэкономическое” представление о сущности человека” (4).

Спустя годы задним числом Гайдар объяснял свои действия не принципиальными соображениями, а форс-мажорными обстоятельствами: денег в казне не было, в стране возникла реальная перспектива голода. Это правда от лукавого: Гайдар делал то, что *хотел* делать. Его пригласили в правительство под его, Гайдара, политику, которую он публично отстаивал. Он, кажется, до сих пор гордится, что взял на себя ответственность начать реформы в самых неблагоприятных условиях.

Синергетики считают, что хаос является необходимой стадией для динамических систем при переходе на новый уровень развития. Гайдар, видимо, так же считал, когда в 1992 – 94 гг. создавал в России экономический хаос с расчетом, что в нем быстро выкристаллизуется “народный капитализм”. На создание массового среднего класса собственников и был направлен план приватизации госимущества. А. Чубайс осуществлял его в глубочайшем цейтноте, подгоняемый сильнейшим политическим кризисом 1993-го года и личным страхом перед угрозой коммунистической реставрации. Итог известен. Новый средний слой в России не образовался. Сам Чубайс признал, что две третьих или даже три четвертых ваучеризированных граждан ничего от приватизации не получили. А кто получил? Те, кто в рекордно короткие сроки стали олигархами, долларовыми миллиардерами. Ни до, ни после не было таких грандиозных афер по присвоению государственной собственности, как в период гайдаровского премьерства. Рассказ о том, как Б. Березовский за 45 млн. долларов приобрел автомобильный гигант, который стоит, по западным оценкам, более миллиарда долларов, у меня вызвал лишь один вопрос: а где взял 45 миллионов этот доктор физико-математических наук?

Чубайс своей приватизацией *практически* разоблачил либеральный миф о решающей роли частной собственности в формировании рынка. В этой связи приведу цитату из выступления А. Г. Глинчиковой на шестом международном симпозиуме “Куда идет Россия” (январь 1999-го г.): “Роковая ошибка либералов заключалась именно в том, что они полагали, что любая приватизация рано или поздно породит рынок, любая приватизация лучше государственно-коммунистических отношений собственности. Тот факт, что частная собственность может быть использована для обращения общественного развития вспять, для регресса, не был тогда очевиден. Это дало возможность распределителям под видом прогрессивных рыночных реформ де-факто осуществить архаизацию общества” (5).

Очевидно, что либеральная идеология и реформаторская фразеология использовались и продолжают использоваться антирыночными силами, госбюрократией, “сообществом политико-финансовых кланов” с целью конвертирования власти в собственность и наоборот. В средние века на арабском Востоке существовало понятие “мульк”, означавшее *власть-собственность* как целое, неразрывное властно-собственническое отношение. Судя по всему, нечто подобное, феодальное институционализировалось в настоящее время в России.

Слой приватизаторов крупных пакетов госсобственности, получивший название “олигархи”, не заинтересован в развитии рынка, конкуренции, а хочет через традиционные бюрократические и новые мафиозные структуры “делать деньги”, не вкладывая их в производство, не отвечая своим капиталом за промахи, по-существу разоряя государство неуплатой налогов, таможенных сборов и т. п.

Максимально используя антикоммунистическую риторику, но при этом действуя по-революционному, именно по-большевистски, российские либералы попытались одним махом внедрить, протащить в посткоммунистическое общество либерально-рыночные ценности, создать экономическую базу демократии. Конечно, из этого ничего хорошего получиться не могло, а вышел номенклатурно-олигархический режим, который – и это признает ныне сам Гайдар – либеральным не является.

3.

Анализ российской периодики 1992-1996 гг. показывает, что в ней спорили два настроения, две альтернативные оценки идеологии и практики либеральных реформаторов. Одни аналитики, занимая позицию безусловного одобрения радикальных экономических преобразований, фиксировали внимание на социально-политических условиях, которые могли либо благоприятствовать, либо мешать этим преобразованиям. Они внимательно отслеживали перемещения в экономическом блоке правительства, комментировали борьбу рыночников и антирыночников в руководстве страны. Другие же были озабочены социальными, культурными и нравственными последствиями перехода на рыночные принципы управления, то есть *человеческой ценой* экономических реформ.

Для конкретизации возьмем журнал “Свободная мысль” № 1 за 1994 г. В нем в рубрике “Экономика” помещены две статьи. Одна называется “Политическая экономия российских реформ: опыт 1993 года”. Ее автор – В. Мау, бывший тогда членом совета директоров Института экономических проблем переходного периода, того самого института, директором которого стал Е. Т. Гайдар после своей отставки с поста и. о. Председателя правительства. В указанной статье Мау анализировал возможность двух вариантов проведения экономической политики, исходя из степени государственного вмешательства в организацию хозяйственного процесса. “Твердый” вариант связан с дальнейшим ослаблением влияния государства на стихийные экономические тенденции, отказом от финансовой поддержки неконкурентоспособных предприятий и традиционно дотационных отраслей производства, либерализацией внешнеэкономической деятельности, последовательным осуществлением приватизации – большой и малой. “Мягкий” вариант, соответственно, сводился к политике государственного протекционизма, к жесткому контролю за экспортно-импортной деятельностью, к стремлению замедлить и взять под контроль процессы приватизации, внесению в экономику внеэкономических приоритетов. Автор призывал президентскую власть проявить твердость и поддержать первый вариант, поскольку он – антиинфляционный и способен серьезно повлиять на расстановку политических сил в стране в пользу реформаторов (6).

Вторая статья называется “Стабилизация экономики и социальные контрасты”. Ее автор Ю. Сухотин перечислил первые “достижения” гайдаровского курса: только за 1992-й год покупательная способность населения упала вдвое; вместо ожидаемого укрепления средний класс был стремительно раздавлен; более трети россиян оказались ниже черты бедности; в бюджетной сфере прекратили выплачивать заработную плату; миллионы людей погрузились в маргинальное состояние... С другой стороны, в том же 1992-м году в страну было импортировано 38,9 тысяч люксовых автомобилей (7). В короткое время социальное расслоение в обществе подскочило до опаснейшего уровня, что

нагрело атмосферу вокруг самих реформ. Стабилизация разбалансированной экономики стала задачей номер один. Ю. Сухотин предложил как одну из мер снятия социального напряжения увеличение налогообложения верхнего социального слоя. При этом он доказывал на цифрах, что на предпринимательской активности это не скажется (8).

С. Кара-Мурза в статье “Проект либерализации России. Адекватен ли он реальности?” (1992-й г.) показал, что реформаторы “всего-навсего” не учли этнокультурный, цивилизационный фактор. “Насколько внедряемая в общественное сознание модель согласуется в своем антропологическом аспекте с тем видением человека, который сложился в России и затем в СССР?” – задавался вопросом С. Кара-Мурза. И сам же на него отвечал: “Пожалуй, никто из самых крайних либералов не станет отрицать, что не согласуется вовсе” (9). В статье приведена потрясающая цифра: в 1991-м году на территории бывшего СССР число самоубийств и покушений на самоубийство составило около миллиона (10). Можно только представить, каких цифр достиг социальный суицид к 2000-му году. Это фактическое обвинение в геноциде, которое когда-нибудь будет предъявлено нынешнему поколению либеральных деятелей, сделавших себе имя на разоблачении сталинизма, но в упор не желающих замечать нынешней трагедии народа.

Критикой рыночных реформ и идеологии экономического либерализма были проникнуты публикации известного российского философа В.М. Межуева. В 1992-м году он недвусмысленно высказался по поводу цены реформ: “Никакая мелкая и крупная “приватизация” не восполнит тех потерь, которые несут наши наука, образование, искусство, оказавшиеся без поддержки централизованных государственных структур. Забота о физическом выживании и пропитании вытеснила на периферию государственного интереса вопросы научно-технического прогресса, дальнейшего освоения космоса, роста кадров научной, технической и гуманитарной интеллигенции. И это называется движением к цивилизованному обществу? По-моему, мы теряем последние остатки цивилизованности, обрекаем себя на роль второстепенной и слаборазвитой державы” (11). С тех пор его точка зрения не изменилась. Полемизуя со своими оппонентами на шестом международном симпозиуме “Куда идет Россия?..”, В. Межуев сравнил либеральные реформы по своим последствиям с библейским потопом. (12). Между прочим им был выдвинут очень важный тезис о невозможности быть чистым либералом в условиях несложившегося гражданского общества. “Совместить модернизацию (индустриализацию) с политическими и экономическими свободами для стран периферийного круга – дело трудное и подчас совершенно невыполнимое”, - говорил он на симпозиуме (13). Межуев призвал либералов, если они хотят иметь перспективы в стране, восстановить связь с ее историей, “не противопоставлять себя исторической, в том числе и социалистической, России, а сохранять и оберегать в ней то, что служило основой ее реального, а не мнимого величия” (14). Иначе говоря, он пожелал нашим либералам дополнить их реформаторский пыл известной долей здорового консерватизма, пониманием специфики страны, в которой они живут и по-живому режут.

Во внутрилиберальном дискурсе своей содержательностью выделяются публикации известного специалиста в области истории политической мысли проф. Б. Г. Капустина. В последнее десятилетие он посвятил себя теоретической критике российского либерального мифотворчества *во имя защиты либеральной идеи*. Для него с самого начала было очевидно, что взгляды отечественных либералов-реформаторов являются интеллектуально слабыми, заимствованными и, что самое главное, устарелыми, не способными обслуживать Современность. “Пока реакционному квази-патриотическому мифотворчеству противостоит всего лишь *этот* отступающий либерализм, дело свободы в нашей стране в большой опасности” - таков рефрен его критики чубайс-гайдаровского экономического либерализма (15).

В статье “Не найдя себя – не признав другого. О наших либерально-консервативных контрверзах” (1992 г.) Б. Капустин писал, что критикуемый либералами консерватор А. И. Солженицын, несмотря на очевидные элементы архаики его мысли, *современен*, а вот их либеральная критика *досовременна*. “И современен он не рабской имитацией западных образцов, чем нередко грешат наши либералы, а пронизательной реакцией на слабости либерализма, выявленные современной жизнью как на Западе, так и в России” (16). Современен он еще и тем, что “он консерватор, с *несомненностью* избравший демократию” (17). А наши либералы от абстрактного идеализма, рассуждающего о гармонии демократии и рынка, с готовностью перескакивают на “прагматическую” точку зрения, оправдывающую авторитаризм, подавление народа во имя внедрения рыночных структур. Солженицын трижды современен, потому что он думает о России, о русском человеке в контексте российской культурной традиции, а его либеральные оппоненты мечтают видеть грядущий Мир одним разбухшим в планетарных масштабах Западом, населенным самодостаточными экономическими индивидами, нацеленными на голый “разумный эгоизм”. Вывод Капустина таков: “...наши либералы-вестернизаторы... оказываются какими-то вчерашними и местечковыми” (18).

В статье “Россия и Запад на пути к миру миров” (1993-й г.) Б. Г. Капустин задает резонный вопрос: “Как можно “вернуться на тот большак универсальной цивилизации, на который Россия и до Октября никак не могла попасть, что и было корнем размышления тогдашних западников”? (19). Он указал, что либералы-универсалисты принципиально неверно оценивают суть большевистского эксперимента как проявления антизападничества. Наоборот, считает Капустин, большевизм был самой радикальной попыткой вестернизации России. “Большевизм абстрагировал от западной цивилизации, очистив до предела, до абсурда ее собственную технорациональную сторону, превратив ее в тотальную инженерию. ... Но **тем самым** большевизм и породил патологическую “особливость” России, ибо на Западе эта сторона его цивилизации (на разных этапах с разной степенью эффективности) корректировалась другой – “нетехнологической” самодеятельностью сил гражданского общества, ценностно-нормативными установками, многие из которых имеют “традиционные”, “доиндустриальные” истоки” (20). То есть, говоря я вслед за Капустиным, экономическая версия либерализма, которую запустили и культивировали до последнего времени в качестве идеологии реформ Гайдар, Чубайс и их единомышленники, не учитывает “всего-навсего” культурного

контекста, *почвы* реформаторства. Наши вестернизаторы взялись переносить западный опыт на нашу почву с *их* почвы в наивной вере, что бананы будут произрастать в полосе умеренного климата, поскольку технология та же.

Это очень важная мысль. Рыночную экономику могут создать либерально мыслящие люди, а не наоборот. В России же и народ, и общество, и государство веками традиционно культивировали антилиберальное, антикапиталистическое мировоззрение. Об этом - ниже.

В статье “Либеральное сознание в России” (1994 г.) Б. Г. Капустин, на мой взгляд, совершенно справедливо отметил, что, цитирую, “сегодня либеральная ориентация является в большей мере производной от факторов культурно-духовного порядка, чем от собственно экономических, включая обладание частной собственностью. Обуславливать перспективу установления либерально-демократического строя в России развитием класса собственников (отвлекаясь от пустой утопии превращения всего народа в частных собственников) и даже связывать с этим сохранение нынешнего режима было бы ошибкой. Частный собственник без опосредования его позиции указанными выше культурно-духовными факторами, - не в большей мере носитель либерального сознания, чем группы, выделенные по другим экономическим критериям” (21).

Еще в одной статье под названием ““Свобода от государства” и “свобода через государство”: о нелиберальности посткоммунистической России и ответственности либералов” (1998 г.) Б. Г. Капустин продолжил тему несовременности и неэффективности нынешнего российского либерализма, принявшего исключительную форму “экономического либерализма”. В этой статье он выдвинул положение, согласно которому посткоммунистическое российское общество фундаментально нелиберально, и за это несут ответственность не в последнюю очередь либералы, неспособные увидеть главную опасность на данном этапе для юной российской демократии (22).

Завороженные злой силой тоталитарного государства с его жесточайшим контролем над всеми сферами гражданской жизни, слабость ельцинского режима они ошибочно (в духе классического западноевропейского либерализма начала XIX в.) интерпретировали как его либерализацию. “Мы более-менее обрели те свободы, которые можно назвать “свободами от государства”... Но мы не обрели тех прав и свобод, которые существуют благодаря защите и созидательной деятельности государства – от права на безопасность от уголовщины до здоровой среды обитания и доступности отвечающих минимальным стандартам качества таких “общественных благ”, как национальное здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение...” (23). Верность либералов собственным идеалам в нынешних условиях, - заключал Б. Капустин, - “проверяется не ритуальным хулением коммунизма и коммунистов, в своей основной политической формации (КПРФ) давно и надежно интегрированных в современный российский истеблишмент, а *оппозицией псевдолиберальному режиму, отделившемуся от общества и приватизированному кланам, воплощающими единство власти и собственности*” (24. – Курсив мой. – Г. Г.).

В 1998-м году вышла в печати книга Б. Г. Капустина под названием “Современность как предмет политической теории”. В ней он, развивая тему

“непонимания” нашими либералами западного опыта, пишет, что они не поняли, что “одной из главных, если не самой главной, проблемой становления рыночной экономики является преобразования страсти в частный интерес” (25). Поясню. Наши экономические либералы направляли свои усилия на то, чтобы выделить из “нашего человека” чистую культуру “*homo oeconomicus*” с присущей ему от природы страстью к максимизации прибыли. Тогда почему Немцов называет российский капитализм “бандитским”? Почему Гайдар морщит лоб, недовольный беспределом экономических кланов? Ведь они самым рациональнейшим способом удовлетворяют свою “размороженную” страсть к сверхприбыли. Опять человеческая природа подвела? В этой связи Б. Г. Капустин отмечает: “Поразительно наивная уверенность в том, что “размороженные” страсти могут произвести что-либо кроме зла, объясняет все существенные черты отечественного либерально-демократического мировоззрения рассматриваемого периода” (26).

И снова мы должны констатировать, что в основе экономико-либеральных воззрений наших реформаторов заложена нелепая телеология, в которой звенья *человек - рынок - благосостояние* связаны железным детерминизмом, без всяких опосредований. Мимо сознания наших либералов каким-то образом прошло, что западный капитализм всегда развивался в определенной нравственной и политико-правовой среде, предписывавшей ему правила поведения, дававшей иррациональным страстям рациональное регламентирование. Иначе говоря, *наличествовал механизм, который социализировал страсти в частные интересы*. Государство этот механизм поддерживало и постоянно совершенствовало, культура давала ему нравственное обоснование. Западная культурная традиция, литература осуждали страсть к безмерному накопительству, *гобсековщину* и еще больше – расточительство. Макс Вебер доказал, что исторически *дух капитализма* формировался как религиозный дух, в основе которого была положена идея призвания, аскетического служения, трудовая протестантская этика. В частности, он писал: “Неприятие всякого рода непростительного легкомыслия, вроде поклонения плоти, мотовства, наслаждения радостями жизни или траты времени либо денег на цели, не продиктованные призванием, побуждало предпринимателей постоянно использовать свое имущество, приобретенное в результате профессиональной деятельности, вкладывая его в капитал или делая сбережения, то есть в соответствии с идеей призвания, и к тому же создавало возможности для вертикальной мобильности для этически квалифицированных бедных” (27).

Наивно было бы думать, что первые предприниматели составляли какую-то секту или монашеский орден, сделавший из предпринимательской деятельности род послушничества. Речь идет об этике доверия, которая находила основание в протестанстве и в конечном счете являлась рационально оправданной. Если ты взял в долг деньги и не отдал, нарушил контракт, то немедленно становишься изгоем в предпринимательской среде. Как это не согласуется с отечественной телепропагандой, которая своей лживой, безответственной рекламой западного образа жизни дезориентирует юное и молодое поколения, именно разжигает страсти в их незрелых душах. Только зайди “за угол”, призывает она, хапни, заплати с этого налоги и будешь уважаемым предпринимателем, то есть

человеком , который ведет “красивую жизнь”. Остальные успокойтесь на мысли , что “богатые тоже плачут”.

Насколько же далеки были наши экономические либералы от понимания собственной задачи, если они требовали свободного от государства рынка, то есть фактически защищали разного рода аферистов от этого государства и внутри этого государства? Можно сказать резче: государство под их руководством не функционировало как государство.

4.

Рамки статьи не позволяют совершить обширный экскурс в историю российской общественной мысли с тем, чтобы выявить доминирующее отношение к капитализму, то есть рыночному обществу. И все-таки определенную ретроспективу следует дать.

В традиции российской общественной мысли отношение к капитализму, рыночной экономике было сформулировано достаточно однозначно – это порождение специфического западного духа и, соответственно, западной цивилизации, замешанной на индивидуализме и рационализме. Основные идейные направления, развивавшиеся в бескомпромиссной борьбе друг с другом на протяжении всего XIX и начала XX вв., тем не менее в определении своего отношения к Западу и его достижениям проявили поразительную солидарность, в чем можно усмотреть наличие особой социально-культурной платформы российского мира.

Социалист, эволюционировавший в сторону либерализма А. И. Герцен был свидетелем установления буржуазного политико-правового порядка во Франции в середине XIX века. Он придумал подходящий термин для выражения его сущности – “*мещанство*”. Мещанство есть феномен буржуазной пошлости, мелкости и мелочности искренних побуждений буржуа. Так выглядели в глазах русских, переживавших в собственной стране докапиталистическую эпоху, основные качества капиталистического человека – рационализм, бухгалтерская расчетливость, страсть к накопительству, стремление к жизненному комфорту, удовлетворенность маленькими семейными и “несемейными” радостями, полное отсутствие героического сознания и романтики. Мещанство, таким образом, - этическая характеристика *духа капитализма*.

Бездушие и бездуховность буржуазного мира ядовито высмеиваются Ф. М. Достоевским в “Зимних заметках о летних впечатлениях” (1863г.). В путешествии по Европе писателя поразили серо-черный цвет капиталистической цивилизации, дотошная регламентация жизни, мизерность идеала среднестатистического буржуазного человечка при полном, по мнению писателя, комическом убеждении в своем достоинстве. О главной ценности буржуа Достоевский пишет так: “Прежде хоть что-нибудь признавалось, кроме денег, так что человек и без денег, но с другими качествами, мог рассчитывать хоть на какое-нибудь уважение; а теперь ни-ни. ... Вам позволяют удивительные вещи, если у вас только есть деньги. Бедный Сократ есть только глупый фразер и уважается только разве на театре” (28). Вывод: не приведи Господь нам двигаться по европейскому пути.

Социалист Герцен и консерватор Достоевский по-существу одинаково среагировали на западноевропейский социализм как на продукт буржуазного “чистого разума”. Герцен предвидел, что победа социализма в европейских странах приведет на практике к тому, что он сам вырождается в форму мещанства, то есть в разновидность капиталистической цивилизации. Достоевский же полагал, что социализм противоречит органике западного общества. Чтобы он там привился, необходимо перерождение западной личности (неважно – капиталиста или работника), сутью которой является натура собственника, “начало особняка, усиленного самосохранения, самопромышления, самоопределения в собственном Я” (29).

Революционный народник Н.Г. Чернышевский внес свой вклад в выяснение отношений с либералами – именно в экономической плоскости. Он исходил из глубокого различия между понятиями “национальное богатство” и “народное благосостояние”. Национальное богатство в условиях частнособственнических отношений – то же самое, что средняя температура по больнице. На самом деле национальное богатство в преимущественной форме капитала сосредоточено в руках не всей нации, а немногочисленного слоя владельцев капитализированной собственности. Коренное расхождение между либералами и демократами (т.е. народниками), по мнению Чернышевского, как раз в том и заключается, что первые ратуют за накопление максимального национального богатства (капитала) за счет развития максимального производства, не интересуясь, какова социальная цена за это заплачена, а вторые свою задачу видят в повышении народного благосостояния за счет справедливого распределения. Из двух государств то лучше, прогрессивнее, в котором выше благосостояние народных низов, хотя бы даже в ущерб экономической эффективности.

Таким образом, Чернышевский, вопреки расхожему мнению, не выступал против капитала вообще, но ставил ему ограничение: капитал не должен расти за счет снижения уровня жизни трудящихся. Он вывел основной экономический принцип социализма - примат распределения над производством. Любопытно также отметить, что до 1861 г. Чернышевский не был противником частной собственности на землю, считая ее дополнением к общинной. Он полагал, что за счет частной собственности крестьянское землевладение будет расширяться, поглощая “лишних” для общины людей. Однако впоследствии он изменил точку зрения на “расторговавшегося крестьянина”. Он понял, что один такой крестьянин неминуемо создаст десять батраков. А ведь все усилия направлялись на то, чтобы избежать “фирменного” западноевропейского зла – пролетаризации народа вследствие *чрезмерного* развития института частной собственности.

Из широкого спектра политической мысли хочется упоминуть два имени – К. Н. Леонтьева (1831-1891) и Н. Ф. Федорова (1829-1903). Константин Николаевич Леонтьев, “русский Ницше”, на поприще публицистики выступил как консервативный критик западного либерализма и индивидуализма в качестве его основополагающего принципа. Неискушенному русскому читателю он разъяснял эту связь: “*Индивидуализм демократический* или всеуравнивающий и есть, в приложении к политическим партиям, то самое, что зовется обыкновенно *либеральностью*” (30). Греховную суть “язвы западного индивидуализма” Леонтьев определял как “новый род идолопоклонства”, а

именно: это поклонение “просто индивидуальности *всякого* человека”. Не высокому развитию личности, не герою, пророку, царю или гению, а лишенному личностных параметров индивиду как абстрактной форме личности, юридическому лицу (31). Эгалитарный индивидуализм на самом деле уничтожает принцип личности, а либерализм в целом нивелирует культурно-историческое своеобразие народов. Для России он особенно губителен, считал Леонтьев.

Николай Федорович Федоров был оригинальнейшим мыслителем, своего рода религиозный технократ, православно-космический большевик. Не касаясь его учения в целом, отмечу, что ему было присуще глубокое неприятие *западного духа* именно как духа либерального, получившего выражение в индивидуализме, в сознательной установке на социальное разъединение, автономию личности, эгоистическое преследование индивидуальной пользы. Вся западная социальная философия, начиная с Сократа, по его мнению, проникнута этой установкой. Знаменитый сократовский призыв “познай самого себя!” Федоров переиначивает как “знай только себя!”.

Федоров хорошо сознавал, что мир Запада – это мир цивилизации и научно-технического прогресса, который сам он очень ценил. Но Европа, встав на путь розни, конкуренции, борьбы всех против всех, якобы утратила сознание единства всего человечества перед лицом главного врага – смерти и стала расходовать свой научный гений по пустякам, погнавшись за материальным комфортом, увлекшись торгово-промышленной суетой. По глубокому убеждению Федорова, суть дела не в производстве (как считают капиталисты) и не в распределении (как считают социалисты), суть дела – в нравственности. От выбора нравственности – либо нравственность разъединения, т. е. свобода личности, либо нравственность объединения, т. е. коллективное осознание долга сынов перед своими умершими отцами – зависит судьба человечества.

Огромное влияние на русскую политико-правовую мысль оказал В. С. Соловьев (1853-1900). По-существу, его философия является вершиной философствования в дореволюционной России. Не случайно видный теоретик российского либерализма П. И. Новгородцев назвал Соловьева “русским Гегелем”. Свою систему “нравственной философии” В. С. Соловьев вырастил, как из зернышка, из *принципа личности*. Он был глубоко убежден, что значение личности определяется не тем, что она якобы способна жить и действовать автономно от общества, а тем, что она является носителем абсолютного нравственного начала, обнаруживающего единый смысл жизни.

Нарушения нравственного закона в экономической сфере становятся важной причиной народной вражды и преступности. “Самый факт экономических бедствий есть свидетельство, что экономические отношения не связаны как должно с началом добра, не организованы нравственно” (32). В отношении к этому вопросу есть две несостоятельные позиции. Либеральная политэкономия отделяет сферу экономики от нравственности. Социалистические направления, наоборот, допускают смешение этих различных, но нераздельных сфер. Внутреннее единство обеих позиций заключается в общем для них взгляде на экономику как определяющую сферу жизнедеятельности человека. “Признавать в человеке только деятеля экономического – производителя, собственника и потребителя вещественных благ - есть точка зрения ложная и безнравственная”, -

подчеркивал философ (33). Никаких самостоятельных экономических законов нет, утверждал он, поскольку явления хозяйственного порядка мыслимы лишь как деятельность человека – существа нравственного и волевого, способного подчинять свои действия мотивам чистого добра. Критикуя либеральный миф о свободной рыночной экономике, В. С. Соловьев писал: “Как свободная игра химических процессов может происходить только в трупe, а в живом теле эти процессы связаны и определены целями органическими, так точно свободная игра экономических факторов и законов возможна только в обществе мертвом и разлагающемся, а в живом и имеющем будущность хозяйственные элементы связаны и определены целями нравственными, и провозглашать здесь *laissez faire, laissez passer* – значит говорить обществу: умри и разлагайся” (34).

Критика В. С. Соловьева очень созвучна современной *либеральной* критике экономического либерализма. Соловьевскую версию либерализма, основывающуюся на нравственном законе, продолжила блестящая плеяда российских юристов в лице П. И. Новгородцева, И. А. Покровского, Л. И. Петражицкого, В. и С. Гессенов, Б. А. Кистяковского. Представители этого так называемого нелиберального направления рассматривали собственность не с точки зрения максимальной экономической эффективности, а с позиции ее оправданности как гарантии личной свободы и самореализации. Поэтому они были решительными противниками монополизации частной собственности и сторонниками расширения государственного вмешательства в экономическую сферу.

Таким образом, можно утверждать, что в традиции российской общественно-политической мысли западноевропейскому экономическому либерализму отведено место критикуемого направления. Эта критика велась с нравственной и правовой точек зрения. Российские либералы утверждали, что *рыночное общество и гражданское общество – это не одно и то же*. Собственность должна быть связана с правом таким образом, чтобы работать на освобождение человека, а не на его угнетение. Представители основных идейных направлений XIX века (консерватизма, либерализма и социализма), не в последнюю очередь отталкиваясь от этой критики, совокупно сформулировали миссию России как преодоление западной язвы капитализма на путях социализма. Фактически это стало национальной идеей России начала XX века.

Стоит ли теперь удивляться, что российские либералы конца XX века вдруг заговорили с народом на языке, который они сами едва понимают? Аналогичная коллизия имела место в 1917-м году, когда большевики выставили лозунг “Землю – крестьянам, фабрики – рабочим!”. Не поняли тогда люди Ильича, не поняли... Но на этом непонимании и строилась политика большевиков.

4.

Либералы составляют отряд, входящий в элиту нынешнего российского руководства, финансово-номенклатурную олигархию. Сложился негативный, антинародный образ либералов – номенклатурные внуки и сынки, разрушающие дело своих коммунистических дедов и отцов.

Неприятный образ либералов связан прежде всего с их отношением к социальному вопросу. Никто из них ни разу не повинился за массовое обнищание в результате их экспериментов. Социолог, проф. Мичиганского университета (США) В. Э. Шляпентох пишет, что “российские либералы, которые возглавляли страну и средства массовой информации в 90-е годы, выбросили из своего лексикона слова “справедливость” и “равенство” (35). Более того, они выступили апологетами невиданного расслоения, да и сами окунулись в роскошную жизнь посреди народной нищеты. Шляпентох назвал их “социально бестактными людьми”.

Моральная сторона деятельности хирургов от радикал-либерализма оттолкнула от них значительную часть российских, подчеркиваю, *либерально* настроенных интеллектуалов, которые, в духе гуманистической традиции российской интеллигенции, полагали, что совесть – не последний критерий в выборе путей и средств осуществления экономической реформы. В многочисленных публикациях на эту тему подчеркивалось, что находящиеся у государственного руля либералы и подконтрольные им СМИ несут прямую ответственность за пропаганду идеи о благодетельности социального неравенства и искусственное форсирование в создании класса собственников во что бы то ни стало. Приведу всего лишь одну цитату, из статьи Е. Самарской. “Но прежде чем сказались какие-либо положительные стороны означенного неравенства, - пишет она, - мы стали свидетелями его пагубного действия – нищеты населения, коррупции власти, расхищения государственной собственности в беспрецедентных масштабах. Вспоминается популярный аргумент либералов в пору весны приватизации: неважно, кто сейчас возьмет собственность, важно, чтобы были собственники. Плоды этой безнравственной политики мы сейчас и пожинаем. Нам оставлена одна светлая перспектива – дожить до внуков наших нуворишей, которые якобы и принесут нам благоденствие” (36).

Презрительное, демонстративное отношение либералов к равенству объясняется, с одной стороны, их убежденностью в том, что неравенство является обязательным условием экономического прогресса и существования демократии, а с другой стороны, их слепым антикоммунизмом. Они, видимо, не знают или не хотят знать, что их западные коллеги в большинстве своем идею равенства (конечно, не в радикальном коммунистическом виде) включили в состав основных либеральных ценностей, а такие влиятельные либеральные теоретики, как Дж. Ролз и Р. Дворкин считают равенство главным нервом своих концепций. А еще раньше их Й. Шумпетер в своей замечательной книге “Капитализм, социализм и демократия” (1942 г.) показал, что сама логика развития капитализма и его результаты подводят общество к социализму. Капитализм сам уничтожает свои защитные слои, создавая систему ценностей, отрицающих его частнособственническую основу. В конце концов содержащаяся в социализме моральная ориентация на социальную справедливость оказывается для людей, воспитанных в демократическом обществе, важнее рационального признания экономической эффективности капитализма. Таким образом, западные либералы в массе своей могут поддержать российских либеральных реформаторов разве что по недоразумению.

С другой стороны, социологи в России и на Украине свидетельствуют, что понятие социальной справедливости глубоко укоренено в сознании нашего населения и мало поколеблено кризисом коммунистической и социалистической

идеологий. Так, И. М. Попова на основании проведенных в Одесском регионе исследований общественного мнения утверждает: “Характеризуя повседневное сознание как систему представлений, имеющую определенную структуру, и анализируя связи между фиксируемыми переменными, мы пришли к заключению, аналогичному сделанному В. А. Ядовым: “Критериальным в нашей культуре является несомненное доминирование ценности социальной справедливости...”” (37). Абсолютное большинство людей считает, что богатство у нас наживается нечестным, незаконным путем. Позицию либералов в этом вопросе следует обозначить как антидемократическую и нравственно ущербную. Они сами в большей степени, чем коммунисты, способствовали созданию в народе образа вороватой демократии.

5.

Оказавшиеся во главе экономической политики России либералы прислушивались к “советам посторонних” - известных на Западе специалистов по макроэкономике Андерса Ослунда и Джеффри Сакса. Но ведь были иностранцы, которых следует назвать “заинтересованными наблюдателями”. Они жили в России или занимались ею многие годы и десятилетия, искренне переживали за нее и старались тактично говорить о том, что они думают о происходившем. Давайте выслушаем некоторых из них.

Обратимся к статье “Что же происходит в России?” (1992-й г.). Ее автор – наш старый знакомый, историк и политолог, профессор Принстонского университета (США), директор программы по изучению России Стивен Коэн. Его статья обращена к американскому читателю. В начале он пишет о том, что у американцев есть привычка “толковать о России сквозь призму собственной идеологии – находить там лишь то, что хотим найти, и искать лишь то, что нас устраивает” (38). Это является причиной многих заблуждений и путаницы в представлениях о посткоммунистической России и, самое опасное, ведет к принятию неверных решений в политике. Так, отмечал Коэн, не стоит обольщаться насчет современной экономической элиты России, новых собственников. Вчерашние функционеры советской системы, ныне они ведут борьбу за собственность, которая означает для них борьбу за власть. “Многие из этих представителей экономической элиты хотят добиться большего контроля над своими предприятиями путем их “приватизации”, но означает ли это на самом деле введение рыночной экономики? По большей части они теперь клянутся в своем антикоммунизме, но делает ли это их демократами?” (39). Коэн мудро предупреждал американские власти уберечься от “искусственного навязывания политико-экономической и социальной системы и жесткой пересадки ее в иную, гораздо более древнюю цивилизацию”, а также не связывать себя только с одной экстремистской программой “шоковой терапии свободного рынка”, с причиняемой ею громадной социальной болью (40).

Почетный профессор университета Глазго (Шотландия) Алек Ноув в статье “Переход к рынку и экономическая теория” *в принципе* поддержал программу Гайдара, но при этом указал на огромные трудности ее реализации. В особенности важно, считал он, разработать меры социальной защиты, которые могли бы амортизировать удар по населению в связи с неизбежным резким повышением отпущенных цен. “Во всех западных странах переход к рынку был связан с мерами

социальной защиты, - учил Ноув, - У вас некоторые новые экономические идеологи (например, Пинскер и Пияшева) считают, что подобные меры “благоденствия” в какой-то мере противоречат экономической эффективности и приняты социал-демократами. Но это не так” (41). В статье г-на Ноува поднят и вопрос концептуального характера: можно ли перейти к рынку из ситуации глубокого кризиса чисто рыночными способами? “К сожалению, в правительственной программе имеется существенное противоречие, - констатировал он. – С одной стороны, признается необходимость в глубокой структурной перестройке, а с другой, намечается лишь минимальное государственное вмешательство в экономику” (42). В России, по его мнению, перегнули палку в своей вере в “волшебную палочку” свободного рынка.

Профессор социальной философии Гюнтер Рормозер (Германия) в статье “К вопросу о будущем России” (1993 г.) писал, что европейский экономический прогресс вне нравственного императива христианства был бы невозможен. Этого не понимал Горбачев, когда в духе своего “нового мышления” рассуждал сугубо атеистически об универсальных человеческих ценностях. “Россия должна соединить экономический либерализм с духовно-культурным консерватизмом. Альтернативой этому был бы фашизм” - заключал автор (43).

В статье “Экономическое неравенство, права человека, демократия и свободный рынок” (1993-й г.) ее автор г-жа Иоанна Кучуради, профессор университета из Анкары (Турция) не соглашалась с тезисом, что указанные в заголовке категории якобы между собой сущностно увязаны. В бедных и небогатых странах, и особенно в бывших социалистических, введение “свободного рынка” ведет к отказу от основных прав человека и фактически усиливает существующую ситуацию хаоса, поскольку свободный рынок “работает” на частные или групповые интересы. Курс на отказ от правительственного контроля, установления правовых рамок для экономической деятельности с точки зрения соблюдения основных прав человека губителен для бедных и небогатых стран, таков главный вывод И. Кучуради (44).

Московский старожил итальянский журналист Джульетто Кьеза опубликовал в 1995-м году в журнале “Свободная мысль” статью под симптоматичным заголовком “Рынок сегодня, демократия завтра?”. В ней он указал на то, что сложился “нездоровый союз” между российскими ультралиберальными либералами и руководящими кругами Запада, советологами, которые друг друга вводили в заблуждение относительно российских реальностей. “В конце концов российская интеллигенция говорила Западу именно то, что Запад хотел услышать. Эти люди представляли несуществующую Россию, готовую принять западные ценности, то есть самих себя. С другой стороны, Запад отвечал именно теми советами и рецептами, которых ожидала интеллигенция и которые соответствовали ее представлению о капитализме как об Эльдorado без противоречий и проблем” (45). Союз этот был основан на представлении, “будто “экономические законы одинаковы для всех” и должны применяться с негибкой решительностью во всех случаях – в Польше так же, как в Колумбии; в Гане, как в России”. (46). Дж. Кьеза предупредил Запад, что тот ведет близорукую, неосмотрительную политику в отношении России, жертвуя своими идеалами демократии и ошибочно полагая, что существует прямая

функциональная зависимость, выраженная в формуле: чем больше рынка, тем больше демократии. Но ведь российская действительность кричащим образом опровергает эту формулу! Под видом рыночных реформ в России происходит беспрецедентная криминализация экономики. “Мафия покупает Россию оптом, к тому же задешево...” – пишет г-н Къеза и делает вывод: “То, что мы наблюдаем, несомненно, есть зарождение рынка, но рынка без всяких правил, где экономическая деятельность неотличима от криминальной. Таким путем нельзя достигнуть демократии ни сегодня, ни завтра – по той простой причине, что в России пока отсутствует гражданское общество. А оно формируется только на конкретном опыте демократии и рынка, который у каждого общества свой. Для России это еще сложнее, поскольку, перефразируя Петра Чаадаева, можно сказать, что отсутствие правовой культуры – ахиллесова пята российской культуры вообще” (47).

Немецкий профессор Карл Баллестрем в статье “Ното оeconomicus? Образы человека в классическом либерализме” (1999-й г.) обратил наше внимание на “проблему Адама Смита”. В XIX в. ряд мыслителей, в том числе К. Маркс, представили основоположника экономического либерализма проповедником “манчестерства”, сторонником невмешательства государства в экономику, певцом буржуазного индивидуализма. Так ли это на самом деле? Баллестрем напомнил, что “Адам Смит был не английским политэкономом XIX в., а представителем шотландской моральной философии XVIII в.”, автором книги “Теория нравственных чувств” (48). И в своих экономических штудиях А. Смит исходил не из образа “человека экономического”, единственной мотивацией которого является максимизация прибыли, а из представления о нравственной природе человека как существа, изначально наделенного чувством симпатии к “другому”, *сочувствием*. Разумный эгоизм индивида находит свое выражение в понимании, что счастье другого является условием его собственного счастья. К. Баллестрем опровергает стойкое убеждение отечественных сторонников экономического либерализма в том, что Смит якобы утверждал, что свободный рынок посредством конкурентной борьбы автоматически гармонизирует сумму индивидуальных эгоизмов. А кто же (или что же) “гармонизирует” конкурентную борьбу? “Представление о свободном рынке как о возможном состязании без посредника и судьи, борьбе, где выигрывает самый отчаянный, Смит совершенно чудно, - пишет г-н Баллестрем. – Смит – не сторонник вседозволенности, “laissez-faire”, а ордо-либерал. Свободный рынок предполагает государство (и государство отнюдь не слабое). Система естественной свободы и права, которой требует Смит, представляет собой форму государства, либеральное правовое государство” (49). Итак, тезис о приверженности отца экономического либерализма А. Смита идее невмешательства государства в экономику есть очередная мифологема в арсенале наших либеральных экономистов.

Мы уже видели, что отношение к большевизму, интерпретация его опыта определяет позиции участников внутрилиберального спора. В этот спор со своими аргументами включился крупнейший западный специалист по России Теодор Шанин (Великобритания). Он недвусмысленно заявил: “...высказывания в духе того, что “если бы не большевики”, то российский “эшелон” вкатился бы в конце концов на ту же станцию Виктория, - сны наяву или идеологическое измышление. Россия катилась другим путем и к другим станциям...” (50). Каким же путем?

Путем стран “третьего мира”, стремящихся попасть в клуб “тех, кто впереди”, считает Шанин. До революции, по его мнению, стратегии прорыва были представлены двумя альтернативами – столыпинской и ленинской. Обе предусматривали решающее вмешательство государства в ускорение экономического роста, то есть, по выражению Шанина, “с поправкой к политэкономии Адама Смита”. Неудача обоих вариантов модернизации, этих мощных попыток вырваться из состояния “третьемирности”, связана с тем, что не было осознано объективное место страны в мире. Реальные попытки, но нереалистические цели. Россия осуществляла стратегии “догоняющего развития”, будучи страной “зависимого развития”, а это значит, что у нее изначально не было перспектив догнать, но зато были перспективы надорваться, что, собственно, и произошло. Отсюда сталинизм, трагедия народа, неэффективность реформ, политические поражения и, наконец, выпадение из исторического соревнования. Реальное положение дел, кажется, начали осознавать, но до конца так и не поняли Столыпин и Ленин. Что касается современных отечественных вестернизаторов, то это вообще находится за пределами их понимания. Для них Украина – та же Франция, а Россия по-прежнему тщится соизмерять свой вес в мире с США.

* * *

В этой статье я не рассматривал коммунистическую критику экономического либерализма по той простой причине, что она также не в ладах с Современностью и, значит, теоретически несостоятельна. Меня больше интересовал дискурс либеральной критики этого направления, обязанного своим возвышением исключительно периоду разрушения коммунистической системы. Гайдар и др. думали, говорили и действовали, демонстрируя крайний радикализм разрушителей. Некоторая польза от этого была, но значительно больше вреда.

Есть либералы и либералы. Б. Капустин и некоторые другие либерально мыслящие авторы убедительно, на мой взгляд, показали, что внутри самого либерализма имеет место конфликт ценностей, в частности, между свободой и рынком, культурой и цивилизацией. Либералы-рыночники, технологисты и универсалисты этого не понимают, следовательно, не видят главной проблемы текущего перехода. Отсюда проистекает их несовременность. Не в том дело, чтобы технологически решить проблему создания рынка, а в том, чтобы рынок служил человеку и обществу, гуманизировал, а не антагонизировал бы их отношения. До тех пор пока не будет решена задача адаптирования рыночных реформ к российской культуре так, чтобы в ее глубине открылись одушевляющие источники, делающие эти реформы продолжением национальной органики, - до тех пор реформы будут восприниматься как насилие над народом и его историей и, соответственно, отторгаться. Нужна собственная формула, чтобы вписаться в мировой процесс. Россия может и будет существовать в мире только как самобытная его часть. Россия как часть Европы миру не нужна. Россия нужна миру как Россия.

Западные критики наших либеральных экономистов указали, в свою очередь, что те неправильно оценивают теорию и опыт эволюции западного либерализма. В частности, ими не поняты Адам Смит и Фридрих Хайек. Смитовский “экономический человек” на поверку оказался не прагматическим человеком, удовлетворяющим свою “естественную” страсть к обогащению, а веберовским

протестантом, человеком, живущим с Богом в душе. “Разумный эгоизм” выразил установку не на максимизацию прибыли, а на сочувствие к Другому. Не страсти, а интересы институализируют человеческие потребности и дают им законную форму воплощения.

По сути мировоззрение экономических либералов является набором мифологем, созданных на базе неправильно истолкованного западного опыта. В этот набор входят миф о частной собственности, которая якобы с неизбежностью порождает рынок; миф о рынке, который якобы автоматически порождает демократию; миф о демократии, которая якобы является неременным условием успешного развития рыночного хозяйства; миф об универсализме мирового развития и, следовательно, безальтернативности отечественного пути (“иного не дано”).

И российские, и зарубежные критики сходятся на том, что либеральные реформаторы обнаружили готовность платить за рыночный прогресс любую человеческую цену. Моральный нигилизм делает их достойными преемниками большевиков. Диалектика все-таки не выдумка философов. Она существует в жизни и “работает” как парадоксальная форма преемственности.

Либералы, фактически находившиеся у власти в 1991 – 1994 годах, несут прямую ответственность за то, что они своей идеологией и политикой прикрыли криминальную революцию, разграбление общенародной собственности аферистами и коррупционерами. На них лежит и часть вины за тот колоссальный ущерб, который был нанесен науке, образованию и культуре России в последнее десятилетие XX века.

Научились ли чему-нибудь вновь совершившие бросок во власть как партия и думская фракция (Чубайс из власти никогда не уходил) радикал-либералы? Не думаю. В период предвыборной кампании они время от времени “проговаривались”. Так, Кириенко, рекламировавший экономическую программу правых, уронил фразу: “Есть объективные экономические законы. Знаете, дважды два всегда будет четыре”. Знакомая песенка. Немцов один раз сорвался, заявил что-то вроде того, что если бы Гайдару дали до конца довести реформы, мы бы сейчас благоденствовали. Похоже, Б. Г. Капустин написал в далеком 1992-м году пророческие слова: “Нет, либеральная идея не бесплодна. Она не чужда “органике” России. Она не сводится к банальностям о высвобождении “я” или наукообразному суесловию об однообразии всех стран перед лицом законов экономики. Она будет жить в России – вопреки тем, кто узурпировал ее сегодня, и вместе с теми, кто содержательно критикует ее нынешнюю инфантильность слева и справа” (50). Что ж будем надеяться и ждать, пока новый либерализм отольется в органическую для России (и Украины) *современную форму* и обретет жизненную плоть в конкретной политике реформ.

Л и т е р а т у р а:

1. См. Безансон А. Советское настоящее и русское прошлое. Сб. статей. – М., 1998. – С. 113-138.
2. Там же. - С. 183.
3. Солженицын А. И. Россия в обвале. – М., 1998. – С. 23.
4. Свободная мысль. – 1992. - № 7. – С. 20.
5. Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. Международный симпозиум 15-16 янв. 1999 г. – М., 1999. – С. 405.
6. См. Свободная мысль. – 1994. - № 1. – С. 37-43.

7. Там же. - С. 24-25.
8. Там же. - С. 24.
9. Свободная мысль. – 1992. - № 7. – С. 16.
10. Там же. - С. 23.
11. Свободная мысль. – 1992. - № 16. – С. 46.
12. Куда идет Россия?.. Межд. симпозиум 15-16 янв. 1999 г. – С. 47.
13. Там же. - С. 44.
14. Там же. - С. 45.
15. Капустин Б. Г. Современность как предмет политической теории. – М., 1998. – С. 64.
16. Свободная мысль. – 1992. - № 11. – С. 5.
17. Там же.
18. Там же. - С. 9.
19. Кентавр. – 1993. - № 1. – С. 49.
20. Там же. - С. 50.
21. Общественные науки и современность. – 1994. - № 3. – С. 71.
22. Вопросы философии. – 1998. - № 7. – С. 66-69.
23. Там же. – С. 67.
24. Там же.
25. Капустин Б. Г. Указ. соч. – С. 52.
26. Там же. – С. 57.
27. Вебер М. Антикритическое послесловие к “Духу капитализма” // Социология: теория, методы, маркетинг. – 1999. - № 3. – С. 158.
28. Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях. – Л., 1982. – С. 407.
29. Там же. – С. 410.
30. Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. – М., 1996. – С. 251.
31. Там же. – С. 250-251.
32. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соч. в 2-х томах. – 2-е изд. – Т. 1. – М., 1990. – С. 407.
33. Там же.
34. Там же. – С. 408.
35. Шляпентох В. Э. Равенство и справедливость в России и США // Социологический журнал. – 1998. - № 3/4. – С. 250.
36. Самарская Е. Социализм в перспективе постиндустриализма // Свободная мысль. – 1995. - № ; – С. 50.
37. Попова И. М. Повседневное сознание в переходном обществе: симптомы кризиса // Социология: теория, методы, маркетинг. – 1999. - № 1. – С. 18.
38. Свободная мысль. – 1992. - № 8. – С. 15.
39. Там же. – С. 17.
40. Там же. – С. 22.
41. Свободная мысль. – 1992. - № 7. – С. 55.
42. Там же. – С. 54.
43. Вопросы философии. – 1993. - № 4. – С. 22.
44. Вопросы философии. – 1993. - № 6. – С. 115-118.
45. Свободная мысль. – 1995. - № 6. – С. 42.
46. Там же. – С. 43.
47. Там же. – С. 42.
48. Вопросы философии. – 1999. - № 4. – С. 47.
49. Там же. – С. 50.
50. Куда идет Россия?.. Межд. симпозиум 15-19 янв. 1999 г. – С. 5.
51. Свободная мысль. – 1992. - № 11. – С. 9.

Опубликовано на русском языке в сб. научных трудов: Рынкoвa eкoнoмiкa: сyчacнa тeopiя i пpактикa yпpавлiння. – Т. 3. – Одeссa, 2001.